

Алексей Александрович Маслов
Боевая добродетель. Секреты
боевых искусств Китая

Текст предоставлен издательством «Феникс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126774

Боевая добродетель. Секреты боевых искусств Китая: Феникс; Ростов-на-Дону; 2004

ISBN 5-222-03690-1

Аннотация

Первая в мире книга подобного рода, которая столь полно и достоверно освещает традиции и тайные методы китайского ушу. Эта книга – шаг из царства мифов в мир истинных ценностей и восточных реалий, которая удовлетворит самые взыскательные требования тех, кто интересуется духовной традицией, историей и тайнами боевых искусств.

Содержание

Об авторе	4
На пути боевой добродетели	6
Сила и мудрость	6
Человеколюбие воина	8
Добродетельный боец	10
«Не повредить людям»	12
Фейерверк стилей	14
«Потерянный след»	16
«Желтолицый тигр» Хо Юаньцзя	21
Кланы мастеров	25
Местные школы ушу	35
Ушу у народов Китая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Александрович Маслов

Боевая добродетель. Секреты боевых искусств Китая

Об авторе

Маслов Алексей Александрович родился в 1964 г. в Москве. Закончил Институт Стран Азии и Африки при Московском Государственном Университете, историк – востоковед, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского Университета Дружбы Народов, академик РАЕН, профессор нескольких зарубежных университетов.

Начал заниматься боевыми искусствами с 14 лет. Обучался в различных школах боевых искусств в Китае. В 1994 г. стал послушником монастыря Шаолиньсы. Выпускник Академии ушу монастыря Шаолинь.

Генеральный секретарь Международной Федерации Шаолиньского ушу, Президент Федерации Шаолиньских боевых искусств России, президент Московской Федерации ушу, Представитель Международной Федерации боевых искусств ушу (кунфу) в России. В 1996–

2000 г. неоднократно был признан одним из лучших мастеров боевых искусств мира, награжден за выдающийся вклад в развитие боевых искусств. Обладатель 8-й степени (дэн) по ушу (кунфу)

Автор нескольких книг по истории, теории и практике боевых искусств и восточным традициям.

На пути боевой добродетели

Следуя путем ушу, прежде воспитывай характер и искренность души, очищай сознание и пестуй добродетель, и лишь затем изучай приемы.

Мастер Хо Юаньцзя (начало XX в.)

Сила и мудрость

«Большая сила побуждает к великой мудрости». В афоризме тонко подмечена основа гармоничного воспитания бойца в традиционном ушу. Она носит название «удэ» («боевая мораль», или «благодать боевых искусств»), а если толковать расширительно, то «благое качество, достигаемое через занятия боевыми искусствами».

С особой силой это проявилось после того, как было в основном завершено формирование технического арсенала ушу, т. е. с XVII–XVIII вв., и стал вопрос о духовном и этическом осмыслении всего комплекса боевых искусств. Так, достижение благодати и нравственных свойств в процессе тренировки стали ставиться на первое место, оставляя позади собственно техническое мастерство. Известный мастер XVIII в. из Хэнани Чан Найчжоу в «Книге о технике боя» («Уцзишу») в первых главах и предисловии к своему труду больше внимания уделяет понятию добродетельного поступка, почтительности и скромности бойца, нежели описанию ударов. Он считал, что ушу начинается с воспитания души, а отнюдь не с объяснения техники поединка: «Изучая кулачное искусство, надо прежде всего совершать добродетельные поступки, в мирских делах быть почтительным и скромным, не вступать в бой с другими людьми. Только таким образом можно стать истинным человеком и благородным мужем» [342].

Стоит напомнить, что многие школы боевых искусств, особенно деревенские, были одновременно и ячейками воспитания молодых людей, где они обучались грамоте и ритуалам. А потому в самом широком смысле правила удэ, которые прививались ученикам, являлись нормами ритуального и «правильного» поведения в китайском обществе. Логика этого процесса завершилась в ушу возникновением утверждения о том, что «боевое искусство создано для того, чтобы им никогда не пользоваться». Но было бы неверно определять «боевую мораль» исключительно как набор каких-то нравственных качеств и запретительных предписаний. Это особая форма существования, стилистика жизни в ушу, по сути – каждодневное существование на грани человеческого и небесного.

В большинстве своем правила удэ существовали в виде неписаного кодекса и формировались вокруг представления об универсальном ритуале поведения человека в обществе. Приблизительно с XVIII в. начинается письменная фиксация правил удэ, в результате чего возникают обширные кодексы, связанные с традициями крупнейших стилей и школ ушу, например, шаолиньцюань, тайцзицюань, нэйцзяцюань. Такие кодексы можно разделить на запретительные и общеморальные. К запретительным принадлежат предписания о том, чего не должен делать последователь ушу, какие знания не должен разглашать; а также кого нельзя обучать, перед кем нельзя демонстрировать свое мастерство и т. д. Общеморальные кодексы повторяли конфуцианские постулаты поведения, характерные для идеального цзюньцзы («благородного мужа»). Лишь запретительные кодексы можно отнести к аутентичной традиции ушу, хотя в реальной жизни предписания общенравственного и запретительного свойства тесно переплетались в одном и том же кодексе.

Естественно, что правила удэ рисовали некий идеальный образ бойца, который на практике не всегда воплощался должным образом. Но тем не менее удэ задавало стандарт «правильного» поведения последователя ушу и, по наблюдениям автора, этому стандарту до сих пор стремятся следовать те, кто считает себя принадлежащим к традиции ушу.

Хотя кодексы и предписания заметным образом отличаются друг от друга, тем не менее мы можем говорить о ряде канонических правил.

Следование «боевой морали» начинается прежде всего с воспитания скромности, особого уважения как к учителю и собратям, так и ко всем окружающим. Ученик, который выказывает подобострастное поклонение учителю, но груб и заносчив по отношению к обычным людям, считается утерявшим важнейшую черту боевой добродетели – всеобщность принципа искренности – и зачастую изгоняется из школы. Учитель может строго наказать ученика за то, что он демонстрировал знания ушу без явной необходимости, добиваясь дешевой популярности.

К принципам «боевой морали» относят также серьезность человека в процессе обучения. Во время тренировки необходимо соблюдать «золотую середину», «не торопиться и не медлить», как учили китайские мастера, «позволять вещам и самому человеку развиваться естественным образом, своими советами помогая ученику, но ни в коем случае не приказывая. Каждый должен следовать в обучении своим собственным склонностям», – объяснял учитель тайцзицюань Ян Чэнфу. [460].

Считается крайне недостойным менять школу без видимой причины, покидать учителя и тем более открывать самостоятельное преподавание без его разрешения. Ряд стилей, в частности монастырский шаолиньцюань (в отличие от светского), до сих пор предусматривает наличие особого разрешительного документа от наставника на создание новой школы, без него школа будет считаться «ложной».

Целый комплекс правил касается собственно процесса тренировки: терпение, умение переносить трудности и боль, тщательность, строгое следование наставлениям учителя, запрет на перескакивание через установленные этапы тренировки, разумная неторопливость. Примечательно, что большинство трактатов по ушу описывают обучение не столько как поэтапное овладение приемами, сколько как процесс становления сознания, или, как это часто называли во «внутренних школах», «овладение истинной мыслью и истинным устремлением». И во всем – немалая тщательность, уважение к искусству. Не случайно учитель тайцзицюань Дун Иньцзе говорил: «Метод человеческой гармонии заключен в том, что хотя вы и вступаете в поединок, но при этом должны оставаться вежливыми и не терять достоинства» [460].

Человеколюбие воина

Многое в моральных предписаниях ушу связано с понятием «человеколюбия», или «гуманности» (жэнь) – одного из ключевых понятий учения Конфуция. Известный китайский академик В. М. Алексеев очень метко, хотя и весьма расширительно трактовал термин «жэнь» («гуманность») как «культуру духа» или «человеческую культуру» [8]. У Конфуция понятие человеколюбия сочетается с твердостью и решительностью: «Кто преисполнен человеколюбия, тот храбр. Кто храбр, тот не обязательно человеколюбив» [174]. Он же называл знание, человеколюбие и мужество тремя путями благородного мужа: «Знающий не сомневается. Гуманный не тревожится. Мужественный не боится» [174]. Примечательно, что именно эти три качества лежат в основе идеологии воспитания последователей в крупнейшей международной организации традиционного ушу – Ассоциации Цзиньфу.

Конфуций понимал под «человеколюбием» также «путь преданности и великодушия» и «любовь к людям». Как-то один из учеников великого учителя поинтересовался смыслом «гуманности», и Конфуций объяснил: «Тот, кто в Поднебесной способен придерживаться пяти качеств, может быть назван гуманным». Речь шла о скромности, великодушии, искренности, настойчивости и доброжелательности.

Итак, человеколюбие оказывается не просто доброжелательным и милосердным отношением к людям, но неким фактором гармонизации отношений, во-первых, между миром и человеком, а во-вторых, между человеком культурным и человеком природным внутри одной личности.

Обратим внимание – на Западе гуманность воина понимается несколько иначе, в основном как проявление сострадания к человеку, прощение сильным слабого или победителем побежденного, как это было в рыцарских поединках. По-другому мыслится в западной культуре и ценность человеческой личности.

В китайской культуре «гуманность» не слепа, она выборочно действует в зависимости от ситуации. Считалось, например, что казнь преступника – это проявление «гуманности» по отношению к народу, ибо преступник может принести в мир немало зла. Известен даже случай, когда Конфуций, занимая административную должность в одном из уездов, приговорил к смертной казни чиновника, не исполнившего должным образом ритуал.

Попробуем объяснить этот парадокс. Тесная связь «гуманности» с ритуалом в китайском традиционном обществе приводила к примечательному явлению: «гуманность» распространялась лишь на тех, кто соблюдал нормы ритуального поведения. Тот, кто нарушал эти правила, считался «потерявшим лицо». Автоматически он утрачивал и собственную «гуманность» по отношению к другим, т. е. терял основное свойство человека. А следовательно, с ним можно было поступать без всякой «гуманности». В этом отношении весьма показательна одна из бесед Конфуция со своим учеником Янь Юанем. Когда Янь Юань поинтересовался, что такое истинная «гуманность», Конфуций объяснил: «Сдерживать себя и поступать сообразно ритуалу – вот что такое истинная гуманность». «Позвольте узнать, – продолжал спрашивать Янь Юань, – как этого добиться?» – «Не смотреть на то, что противоречит ритуалу. Не слушать того, что противоречит ритуалу. Не говорить того, что противоречит ритуалу. Не делать того, что противоречит ритуалу», – объяснил Учитель. [174].

Вывод из всех этих рассуждений для китайского культурного сознания оказывается прост тот, кто не следует должным нормам поведения – «ритуалу», сам вычеркивает себя из числа тех, к кому приложимо понятие «гуманности». Именно поэтому бойца, преступившего правила своей школы, нарушившего нормы общения с учителем или с другими людьми, могли сурово покарать, даже убить – в какой-то момент он просто переставал существовать как полноценный человек. Однако, пока эти базовые ритуальные нормы не нарушены, необ-

ходимо приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить поединок и не травмировать соперника. Именно поэтому в теории ушу сосуществовали внешне абсолютно противоречивые установки. С одной стороны, учили: «Пусть твоя защита не будет сильнее, чем нападение», «мудрец не обнажает оружия по своей воле», а с другой стороны, наставляли: «Если вступил в поединок – свали противника с ног, как больное животное», «ударить противника – все равно, что щелкнуть пальцами». Оказывается, что дело здесь заключается не столько в противоречивости речей разных наставников, сколько в оценке того, соответствует ли поведение человека социально принятым ритуалам (напомним, что даже национально принятая форма приветствия – тоже ритуал), и, следовательно, применима ли к нему «гуманность».

В этом отношении весьма показателен пример Сунь Лутана, являющегося общепризнанным символом «боевой морали». По его мнению, истинный боец должен придерживаться двуединой добродетели – «добродетели в речах» и «добродетели в руках», т. е. в поединке. В то же время Сунь Лутан весьма образно объяснял: «Смотри на соперника как на сорную траву. Ударить соперника – все равно, что прогуляться по дороге». [216].

Добродетельный боец

Понятие «дэ» («благой мощи»), в другом контексте – «морали», «добродетели» – в китайской традиции меньше всего связано с областью исключительно моральной. Это понятие имеет скорее духовно-«энергетическую» окраску. Согласно китайской духовной традиции, Небо ниспосылает «Благую силу» (дэ), которую воспринимает высший среди людей – император, не случайно титулуемый «Сыном Неба». В свою очередь правитель распространял дэ на своих подданных и таким образом напитывал Поднебесную благой мощью, ведя ее по пути гуманности, преданности и справедливости. В уставах школ ушу практически та же концепция описывается и по отношению к наставнику – именно он воспринимает истинное дэ и передает его своим ученикам. Дэ было практически единственным качеством, которое определяло человека как Мастера, никакого другого критерия не существовало. Таким образом, понятие «удэ» по сути представляет особую «Благодать», получаемую во время занятий боевыми искусствами.

Многие истории об известных мастерах были связаны именно с описанием их «благой» или «добродетельной мощи», а не силы удара. В частности, о патриархе стиля мицзунцюань («Кулак Потерянного следа»), основателе Ассоциации утонченных боевых искусств (Цзиньу тиюй хуэй) Хо Юаньцзя (?– 1909 гг.) рассказывают такую историю. Однажды состоялся поединок между его первым учеником мастером Лю Чжэньдуном и известным мастером одного из южных стилей Чжан Гуанью. Бой продолжался с небольшими перерывами почти до вечера и окончился безрезультатно, противники оказались равны друг другу. На второй день на помост решил подняться сам Хо Юаньцзя. Он быстро сломил защиту соперника и, захватив правую руку Чжана своей правой рукой, заступив левой ногу за его ноги, обвил левой рукой поясницу противника и мощным движением оторвал его от помоста. Публика замерла, ожидая неизбежного броска. Но тут Хо Юаньцзя спокойно произнес: «Не стоит мне быть невежливым. Прошу прощения», и осторожно опустил могучего бойца на ноги. Публика несколько мгновений молчала, а затем взорвалась одобрительными криками и аплодисментами. Чжан Гуанью признал: «Хо Юаньцзя поистине обладает не только блестящим боевым мастерством, но и высочайшей боевой добродетелью и действительно достоин уважения» [391].

Рассказы о таких поединках в мире ушу имели во многом воспитательное значение. Возможно, в реальности события развивались совсем иначе, однако всякое предание ушу носит дидактический характер, и поэтому сегодня мы видим целую галерею «добродетельных бойцов», снискавших себе славу не количеством выигранных поединков, а способностью одержать победу в соответствии с канонами удэ.

Понятие «добродетельного бойца» зачастую срасталось с именем известного мастера. Например, рядом с фамилией знаменитого мастера Сунь Лутана часто помещался буддийский знак «десять тысяч лет добродетельного счастья» – свастика, или по-китайски «вань». Иногда сам Сунь Лутан подписывал свои труды, ставя рядом с фамильным иероглифом Сунь знак свастики, причем никто из его поклонников не сомневался после этого в авторстве трактата. Примечательно, что китайский буддийский миссионер Сюаньцзан, привезший в VII в. из Индии немалое количество сутр и ставший их переводчиком на китайский язык, переводил «свастику» иероглифом «дэ» («благая сила») [306].

Понятие «удэ» имеет весьма древнее происхождение. В древнем Китае удэ рассматривалось как способ сделать государство процветающим. В летописи «Цзо чжуань», авторство которой приписывается ученику Конфуция, говорится о семи аспектах удэ: обуздание жестокости (т. е. борьба с самоуправством должностных лиц), отказ от использования военной

силы, поддержание общественной безопасности, умиротворение народа, приведение народа в гармонию, процветание и богатство.

Прежде всего принципы «удэ» призваны были сохранить внутренние секреты школы от случайных людей. По этой причине не рекомендовалось без крайней необходимости показывать технику школы. Точно так же считалось излишним без надобности меряться силами с представителями других школ, если это не затрагивало чести «семьи» или учителя. Не случайно был распространен совет: «Пройди мимо обидчика, не замечая. Но если вступил в поединок – убей одним ударом».

Другим качеством удэ являлось умение распознать представителя «своей» школы, встретив его в толпе или на пустынной дороге. В качестве «паролей» широко применялись такие тайные знаки, как приветствия, расстановка пиал на столе, умение держать палочки для еды особым образом, подвернутые рукава или штанина, способ захвата посоха, медальон, татуировка. Существовала и некая тайнопись – всем известный иероглиф, например, «дао» или «ци», вписывался в сложный узор таким образом, что полностью терялся, и лишь посвященный мог вычленить его из переплетения линий. Некоторые иероглифы, например, названия школы или приемов, записывались другими иероглифами, близкими по звучанию, но обозначающими совсем другое понятие. Более того, иногда для членов школы стиль носил одно наименование, а для «внешних» – другое. Так, название стиля тунбэйцюань внутри школы записывалось иероглифами, означающими «сквозная (комплексная) подготовка», а для всех остальных – как «удары, наносимые через спину», или «пронзающие руки», хотя в устной речи эти названия звучат одинаково.

Каждая школа имела свой тип приветствия, которое лишь едва заметной тонкостью отличалось от обычного поклона. Например, шаолиньские бойцы кланялись, подняв левую ладонь на уровень бровей, а последователи мицзунцюань перед поклоном описывали небольшой круг ладонями перед корпусом, вращая их в разные стороны. На юге, среди последователей тайных обществ, практиковавших ушу, был распространен следующий тип приветствия: левая ладонь накрывала сверху правый кулак, руки в таком положении шли от правого бедра на уровень глаз, после этого выполнялся поклон. Такой знак символизировал приверженность китайской династии Мин, которую в 1644 г. свергли маньчжурские завоеватели, основавшие династию Цин. Иероглиф «мин» («светлый») состоит из графем «солнце» и «луна», а ладонь и кулак, соединенные вместе, символизировали их соединение в одном иероглифе. Многие типы таких приветствий можно встретить и сегодня – они выполняются перед началом таолу в виде традиционного поклона, но большинству занимающихся уже не известен их скрытый смысл.

«Не повредить людям»

Большая часть правил удэ касается ответственности наставника за то, какие знания и кому он передает. Высшим выражением этой концепции был принцип, которого сегодня, увы, придерживаются далеко не все: не обучать тому, чего не изучал сам у носителей «истинной традиции».

Обучать может лишь человек, обладающий «благой мощью» (дэ), и человеколюбием, которые он и передает ученикам. Эта мысль настойчиво звучит во многих классических трактатах по ушу. «Способы боя с эмэйским копьем» («Эмэй цяофа») гласят: «Не знающий не способен выразить словами, не человеколюбивый не способен передать». Другой трактат, «Кулак Белого журавля вечной весны» («Юнчунь байхэцюань»), говорит о том же: «Неискренний не сумеет обучить, не придерживающийся ритуалов – не сумеет обучить» [306].

В процессе обучения учитель запечатлевает себя в ученике, а потому и ответствен за «духовную гигиену» передачи. Например, великий мастер синьциюань Го Юньшэн на многие годы прекратил преподавание после того, как его ученик тяжело ранил соперника.

Трактат «Наставления в мече Кунью» («Кунью цзянь янь») называет десять типов «испорченных» людей, которым нельзя преподавать ушу. «Тех, кто по своим человеческим качествам не прям, нельзя обучать. Не честных и не испытывающих почтения к старшим нельзя обучать. Не ровных в общении с людьми нельзя обучать. Не умеющих оценивать по достоинству нельзя обучать. Не искушенных в военных и гражданских науках нельзя обучать. Стремящихся заработать на этом богатство нельзя обучать. Тех, у кого грубость проникла в кости, нельзя обучать. Торговцев нельзя обучать. Драчливых нельзя обучать. Почему? Боюсь изъяна в возвышенном мастерстве Кунью» [306].

Доброжелательность к людям – основа, на которой строится обучение в ушу и общение бойцов между собой. Им нечего делить – ведь гунфу универсально и в то же время абсолютно сокровенно, его нельзя украсть или «выведать».

В ушу выработались определенные нормы применения правил удэ в различных ситуациях. Так, на поединках (лэйти), проводимых в конце XIX – начале XX вв., существовало неписаное правило: «Не дотрагиваться до болевой точки». Такой удар лишь обозначался легким шлепком, что опередило принцип бесконтактного поединка в каратэ более чем на сотню лет. Проводились и «редуцированные» поединки, где состязались не столько в умении нанести противнику решающий удар, сколько во «внутреннем мастерстве». Например, мастеру Сунь Лутану как-то шестеро японских дзюдоистов предложили померяться силами. Сунь Лутану было в то время уже под семьдесят лет. Однако он не только не отказался от поединка, но и предложил довольно оригинальный способ его проведения. Старый мастер лег на землю и приказал пяти дзюдоистам крепко прижать его: двое держали за руки, двое – за ноги, и один поставил ногу ему на корпус. Сунь Лутан сказал: «Пусть один из вас досчитает до трех. Если на счет «три» я не сумею встать на ноги, считайте, что вы выиграли». Японец начал отсчет, и тут старик Сунь применил весьма изощренный и сложный способ подъема с земли – «прыжок сколопендры». По его телу прошла дрожь, он весь изогнулся, а затем резко напрягся, оттолкнулся руками и ногами и, сбросив японцев, вскочил на ноги. Изумленные, они признали свое поражение. [213].

Такой тип «добродетельного поединка» назывался «бу чу шоу» («не пуская рук в ход»). Его использовал, например, мастер тайцицюань Ян Баньхоу, изматывая противника хитрыми уходами от ударов, а сам при этом не атакуя. Инструктор императорских войск и член тайного общества Гань Фэнчи вместо того, чтобы ударить мечом в голову противника, точным ударом срезал волосы у него на бровях. Наставник мицзунцюань Хо Юаньцзя несильными шлепками по уязвимым зонам противника выводил его из себя.

В бою принципы удэ в целом сводились к тому, чтобы ограничить атаку противника, не нанося ему особого вреда. Например, в шаолиньских и эмэйских школах существует правило «восьми ударов» и «восьми ограничений в ударах». Система восьми ударов позволяла остановить противника с помощью резкого болевого эффекта, но без серьезных повреждений. Такими ударами считались удары в брови у переносицы, в точку над губой, в спину в области лопаток, удары «клювом журавля» и «лапой тигра», приводившие к резкой боли, атака в голень ударом ноги сверху вниз, удары в грудь в область легких и по ребрам, наконец, удар снизу вверх в лобковую кость ладонью. Другие же восемь ударов разрешалось применять лишь в самых крайних случаях, при непосредственной угрозе для жизни. Обычно запрещалось наносить удары в виски, в горло, ключицы, нельзя было слишком сильно атаковать в область ребер, наносить одновременный удар двумя руками в почки, бить ладонями по ушам, использовать удар сверху вниз («вонзать иглу в дно моря») для атаки в пах, бить снизу вверх в области промежности и крестца.

Шаолиньский наставник Мяосинь как-то заметил: «Тот, кто следует по пути боевых искусств, превыше всего ставит добродетель, а не силу, придает большее значение защите, а не нападению. Когда пробуждаешь в себе добродетель – то встречаешь признательность, а когда используешь силу – то наталкиваешься на противодействие. Защита – это предвестник жизни, а нападение – предвестник смерти. Когда меня атакуют, я защищаюсь. В этот момент у меня на сердце спокойно, мое ци концентрируется, дух просветляется и пробуждается отвага... Все это приводит к полному внутреннему умиротворению, благодаря чему мое ци оживает. Кто бы меня ни атаковал – ничто не беспокоит меня. А вот у атакующего гневливое ци поднимается вверх, шесть духов (шесть качеств души. – А. М.) перевозбуждаются и не способны сдерживаться внутри. Из-за этого состояние его духа поверхностно, ци рассеивается, и он никак не может собрать свои силы. Мне же, который противостоит ему своим покоем, нет нужды травмировать соперника, ибо через короткое время он сам повредит себе».

Итак, эзотерический характер ушу безболезненно сочетался с практицизмом боя и жизни. Правила удэ были всегда прагматичными и весьма конкретными по отношению к исторической эпохе. Например, после прихода в Китай в XVII в. маньчжуров в кодексах многих школ ушу появляется лозунг «восстановления китайской династии Мин». Трансформировались и «Шаолиньские заповеди». Отныне их первый пункт гласил: «Основной целью изучающего шаолиньскую технику является стремление к возрождению Китая» [374].

Фейерверк стилей

В китайских боевых искусствах мы встречаем несколько интересных особенностей, которые скрыты от глаз стороннего наблюдателя, но очень важны для понимания внутренней жизни ушу.

Все стили ушу традиционно были связаны с народной культурой определенных местностей. Обычно стиль ушу не выходил за рамки нескольких деревень, реже – уезда. Крайне редко стиль распространялся в двух-трех провинциях. Сегодня таких «уездных» стилей насчитывается несколько сот, тех, которые практиковались бы в масштабе провинции, не существовало.

Итак, можно назвать первую важнейшую особенность традиционного ушу в Китае – его исключительно локальный характер. Таковым ушу остается и до сих пор. Примечательно, что и по числу учеников школы крайне невелики. Например, в самых крупных школах ушу, расположенных вокруг г. Цанчжоу (провинция Хэбэй), насчитывается обычно не больше сотни учеников, чаще всего их два-три десятка [286].

Другая особенность стилей ушу обусловлена первой – практически все они исторически связаны с деятельностью тайных обществ и религиозных синкретических сект. Причем названия стиля ушу и тайного общества были одинаковы, например, «Красные пики» (Хунцяо) в Хэнани, «Врата Хуна» или «Братство Хуна» (Хунмэнь) в Гуандуне и т. д.

Обращает на себя внимание также «очаговый» характер ушу. Крупнейшие стили с четко разработанной философской основой, рассматривающие ушу как духовный путь саморазвития, возникли на довольно узком географическом «пятачке» в провинциях Хэнань и Хэбэй. Здесь были созданы все направления тайцзицюань и багуачжан, здесь существовал Шаолиньсы, возник синьцзянь. Характерно, что и из своих центров стили ушу расходились лучами. К периферии целостность школы несколько ослабевала, из полужакрытой формы передачи «внутреннего искусства» она превращалась в популярный вид боевых и ритуальных занятий. Один из таких крупнейших центров существовал на границе провинций Хэбэй и Хэнань, другой – в приморских провинциях Фуцзянь и Чжэцзян. Существовали и более мелкие центры ушу, но именно в перечисленных выше возникли не просто системы рукопашного боя, но произошло совмещение практики кулачного искусства и его философско-духовного осмысления.

Существовал и ряд регионов, где не сложились самостоятельные традиции ушу, в частности Гуандун. Все «местные» стили в основном попали сюда из других провинций и лишь затем были переработаны.

Несложно заметить и относительность стилевой самоидентификации. Речь идет о том, что название стиля может не соответствовать его техническому арсеналу. Например, стили, преподаваемые под названием «шаолиньцюань» в уезде Дэнфэн провинции Хэнань (недалеко от Шаолиньского монастыря), в уезде Синнин в провинции Хунань и в Шанхае по характеру движений, техническому арсеналу и теории разительно отличаются друг от друга. Их объединяет только название, однако каждая школа уверена в своей «истинности». И все же представители этих школ стиля шаолиньцюань считают друг друга «братьями», принадлежащими к единой традиции.

Интересно посмотреть, по каким признакам идентифицируют себя школы ушу в современном Китае. Обычно последователи ушу называют следующие критерии: учитель и его предшественники, т. е. принадлежность к генеалогическому древу школы; наличие отдельного духовного учения или идеологии школы, которая может быть заключена, скажем, в особых правилах поведения; теоретические постулаты, например, способы самосовершенствования.

вания; технический арсенал. Таким образом, в центре традиции ушу прежде всего личность учителя, а не техника.

Школ ушу в Китае насчитывалось тысячи – деревенских, уездных, армейских. В них состояло от двух-трех человек до нескольких сотен. Они были светскими и закрытыми, малоприметными и общеизвестными, слава о них доходила до императорского двора. Действительно, школ такое множество, что одно лишь перечисление их заняло бы несколько десятков страниц. Поэтому наш дальнейший рассказ – о наиболее крупных школах, отразивших общие тенденции развития ушу.

«Потерянный след»

Многие стили шаолиньской традиции претерпели большие изменения по сравнению со своим первоисточком. Особенно бурно этот процесс перемен шел в XVIII–XIX вв. Одним из направлений, которое, по легендам, вышло из шаолиньцюань, стал стиль мицзунцюань. Его название можно перевести по-разному: «Кулак потерянного следа», «Кулак тайного следа», «Кулак запутанного истока». Он сочетал очень сложную геометрию движений с многоступенчатой системой «мягкого» и «жесткого» цигун.

Мицзунцюань до сих пор является одним из самых закрытых направлений ушу, сохраняемых в узких школах. «На поверхность» он вышел в 10-е годы XX в., когда один из носителей мицзунцюань Хо Юаньцзя возглавил в Шанхае Ассоциацию утонченных боевых искусств Цзиньфу, в рамках которой этот стиль практикуется до сих пор.

Легенд о возникновении стиля немало и все они так или иначе связывают мицзунцюань с Шаолиньским монастырем. По одной из версий, в начале XII в. в провинции Хэбэй жил известный мастер боевых искусств Лу Цзюньи, который работал охранником в богатых домах. Хотя он считался самым сильным человеком в округе, Лу Цзюньи однажды решил продолжить обучение и пришел в Шаолиньский монастырь, где провел в упорных тренировках три года. Стиль, которым он занимался, сам Лу называл «Священный кулак» (*шэньцюань*). Когда Лу вернулся в родные места, немало отменных бойцов, приходили померяться с ним силами, но все были побеждены. Стали распространяться слухи, что сильнее Лу Цзюньи нет во всем Хэбэе. Десятки людей просили его взять их в ученики, но получали решительный отказ.

燕青
李逵

Герои «речных заводей»: Янь Цинь (справа) встречается в горах с Ли Куем

Однажды во время сбора осеннего урожая Лу Цзюньи нанял десяток крепких парней в помощь. Но они работали так вяло, что ему пришлось их выгнать всех, кроме одного. Тот был услужлив, расторопен, неизменно вежлив. Никто не знал, что этим человеком был известный мастер боевых искусств Янь Цин. Прослышав о бойцовских подвигах Лу Цзюньи и зная, что он не берет учеников, Янь Цин тайно покинул родные места и пошел в услужение к известному бойцу. В течение трех лет он неприметно наблюдал за тренировками Лу и перенимал без всяких объяснений и разрешения «Священный кулак».

В народной традиции Янь Цин является одним из самых известных героев, чье имя упоминается в знаменитом романе «Речные заводи». Приписываемый ему стиль «Кулак Янь Цина» (*яньцинцюань*), представляющий, по сути, раннюю форму мицзунцюань, до сих пор широко распространен в провинции Хэбэй. А самого Янь Цина за отменные бойцовские качества прозвали «Сотрясающим реки и озера».

Никто и не узнал бы о том, что столь известный человек, презрев все условности, пошел в простые слуги, если бы не один случай. Однажды, как рассказывает предание, когда Лу Цзюньи ушел по делам, Янь Цин обратил в бегство дюжину разбойников, пытавшихся проникнуть в дом. Сделал он это на удивление просто. Не вступая в схватку, Янь Цин лишь продемонстрировал несколько движений из первого комплекса «Священного кулака» – бандиты бросились наутек.

Когда соседи рассказали Лу Цзюньи об этой истории и он узнал, кем был его скромный слуга, мастер был искренне тронут. Он много слышал о славе Янь Цина и сумел по достоинству оценить его стремление к ученичеству. После этого Лу стал активно обучать Янь Цина и назначил его своим официальным преемником. На основе той техники, которую продемонстрировал ему Лу Цзюньи, Янь Цин якобы создал собственный стиль – *яньцинцюань* [321].

Однажды Лу Цзюньи вместе со своим слугой по каким-то причинам ушел из родных мест в горы Ляньшаньбо к «веселым молодцам». Но Лу Цзюньи не понравился этот разбойный мир и он вернулся в деревню, Янь Цин же остался в братстве и даже занял почетное место учителя по ушу. Янь Цин, несмотря на многочисленные просьбы, не рассказывал, откуда взялся его удивительный стиль. С той поры и пошло название стиля, якобы данное разбойниками – «Кулак запутанного истока».

Янь Цин прославился многими славными делами. Однажды, когда он возвращался в горы Ляньшаньбо, его выследили правительственные шпионы. Заметив погоню, Янь Цин прибегнул к одной из своих многочисленных хитростей – начал двигаться спиной вперед, а руками заметал следы на снегу. Императорский отряд сбился с дороги, Янь Цин благополучно вернулся в горы. Эта история стала поводом для возникновения еще одного названия стиля, которое звучит так же, как и предыдущее, но записывается другими иероглифами – «Кулак потерянного следа». Поскольку все рассказы о стиле передавались устно, то произошло соединение нескольких смыслов в один.

В мицзунцюань все передвижения выполняются по чрезвычайно сложной траектории, с многочисленными разворотами и изменениями уровня атаки, что позволяет запутать противника. Одна из легенд так объясняет эту сложность переходов и их связь с «внутренним искусством». В конце VIII в. некоему монаху Шаолинского монастыря довелось наблюдать бой нескольких больших обезьян. Среди них выделялся старый самец, в запутанных передвижениях которого чувствовалось настоящее «внутреннее искусство», идущее от самой природы. Монах, вернувшись в обитель, на основе своих наблюдений разработал особые приемы передвижения и способы их тренировки, а мицзунцюань получил еще одно название – «Кулак человекообразной обезьяны» (*юаньхоуцзюань*).

Однако все это – не более чем легенды. Достоверно известно лишь то, что стиль связан с ранней шаолинской техникой: работа руками и стойки повторяют шаолиньцюань. Вероятнее всего, реальным создателем стиля и «связующим звеном» мицзунцюань с шаолиньцюань стал выходец из уезда Тайань провинции Шаньдун Сунь Тун (XIX в.). По-разному рассказывают, где он постигал ушу. Наиболее популярны истории о том, что Сунь Тун изучал мицзунцюань (якобы уже созданный к тому времени) в стенах Шаолинского монастыря более десяти лет.

По другим версиям, Сунь Тун был долгое время учеником народного мастера по фамилии Чжан. Закончив обучение, он странствовал по Китаю, пока не нашел приют в уезде Саньсянь провинции Хэбэй. Там он взял нескольких учеников и, дабы облегчить изучение

сложного стиля, разделил его на несколько направлений, при этом лишь двум-трем ученикам он передал школу целиком. Среди них был некий Хо Эньди, отец Хо Юаньцзя, одного из самых знаменитых мастеров за всю историю Китая.

Разделив преподавание на несколько направлений, Сунь Тун положил начало двум отдельным стилям. Первый носил название – «Кулак Янь Цина» (*яньцинцюань*), второй был собственно мицзунцюань. Яньцинцюань распространился из Хэбэя в Шаньдун и привился там в среде тайных обществ, членов которых окрыляло имя знаменитого разбойника Янь Цина. Позже на его основе формировалось направление, отличное от того, что преподавал Сунь Тун. Называлось оно «Священный удар Янь Цина» (*яньцин шэньчун*).

Мастер Ван Чаншэн, один из прямых последователей стиля мицзунцюань и наставник Шанхайской Ассоциации Цзиньфу, демонстрирует позицию атаки левой ногой в ногу противника

В районе Тяньцзиня яньцинцюань слился со стилем «Кулак восьми вращений» (*бафаньцюань*), который сейчас более известен под названием «Связки кулачного искусства семьи Юэ» (*юэши ляньюань*). Комбинированный стиль получил общее название «Восемь вращений Янь Цина» (*яньцин бафань*).

Яньцинцюань несколько проще, чем мицзунцюань, больший упор здесь делается на внешнюю силу, мощные рубящие блоки предплечьями, удары ребром кулака, тяжелые подсечки, способные перебить ногу противника. Школы яньцинцюань можно встретить сегодня в районе Цаньчжоу провинции Хэбэй.

«Желтолицый тигр» Хо Юаньцзя

Вероятно, мицзунцюань еще долго бы оставался «стилем за закрытыми дверями», если бы не деятельность семьи Хо. Из нее вышел один из самых известных мастеров ушу нового времени, Хо Юаньцзя (1888–1909 гг.), прозванный «Первым бойцом в Поднебесной» и «Желтолицым тигром».

Хо Юаньцзя приходился вторым сыном мастеру Хо Эньди, тому, что учился у самого Сунь Туна и был назван преемником школы мицзунцюань. Считается, что именно в клане Хо этот стиль получил название «Искусство потерянного следа» (*мицзуньи*). Семейство Хо представляло собой большой клан, живший в деревушке Сяонаньхэ уезда Цзиньхай, который сегодня уже является пригородом Тяньцзиня. Хо были крупными торговцами и занимались производством лекарственных препаратов. Хо Эньди регулярно практиковал ушу и преподавал стиль членам своей семьи на поляне в финиковой роще.

Мастер стиля «Кулак потерянного следа» Хо Юаньцзя (1888–1909). Стал основателем первой в мире официальной организации преподавания ушу – Ассоциации Цзиньгу. Фото 1909 г., незадолго до его гибели

От рождения Хо Юаньцзя был невысок ростом, слаб, крайне болезнен. Отец, решив, что тяжелые занятия ушу могут повредить слабому здоровью сына, предписал Хо Юаньцзя «изучать гражданское, но не заниматься боевым». Однако тяга Хо Юаньцзя к ушу была столь

велика, что, начиная с 12 лет, он тайно наблюдал за тренировками своих братьев. Прием за приемом, принцип за принципом Хо осваивал стиль по ночам, когда все спали, или где-нибудь в укромном месте. Тренируясь без партнера, Хо Юаньцзя научился выполнять любое движение так, будто перед ним стоит настоящий противник.

Тайна тренировок Хо Юаньцзя была раскрыта благодаря примечательному случаю. Однажды в деревню Сяонаньхэ пришел странствующий монах—усэн и бросил вызов семье Хо. Хо Эньди попросил своих лучших учеников продемонстрировать комплекс мицзунцюань. Посмотрев на выполнение, монах презрительно бросил: «Вы – мокрицы на дне колодца. Разве вы не знаете, кто первый мастер в Поднебесной!?» Уязвленный Хо Эньди приказал своему сыну Хо Эньлю, считавшемуся лучшим бойцом, подняться на помост для поединка с монахом. Но, увы, через несколько мгновений Хо Эньлю был повержен. Уже немолодой Хо Эньди решил сам выйти на бой, но в этот момент на помост вскочил Хо Юаньцзя и встал перед монахом. Хо Юаньцзя атаковал монаха смело и решительно, по всем правилам мицзунцюань. Сначала он провел удар ребром ладони в шею, затем, сделав несколько обманных движений и запутав противника необычными передвижениями, выполнил захват за одежду и, высоко подняв монаха над помостом, провел бросок «император поднимает треножник». Упав, монах тотчас вскочил, но вновь был сбит с ног мощной подсечкой. Ему пришлось признать себя побежденным [391].

После этого случая Хо Эньди считал своего второго сына достойным преемником и передал ему школу. Став известным мастером, Хо Юаньцзя подошел к передаче школы еще строже, чем его отец. Лишь двух учеников, Лю Чжэньшэна и Чао Ханьцзе, он назвал своими преемниками. Оба они неоднократно поднимались на помост, и никому не удалось одержать над ними победу.

В середине XIX в. намечилось еще одно интересное явление в боевых искусствах – начали создаваться комбинированные стили на основе слияния сразу нескольких крупных направлений. Именно таким образом возник один из самых известных «мегастилей» «Кулак сквозной подготовки» (*тунбэйцюань*). Его важнейшими составными частями стали «Кулак восьми пределов» (*бацзицюань*), «Рубящий кулак» (*пигуацюань*), «Крутящийся кулак» (*фаньцзыцюань*) и «Пронзающие ноги» (*чоцзяо*). Чуть позже в него влился и известный стиль «Кулак богомола» (*танланцюань*). Все они имели глубокую историю и до сих пор чаще всего практикуются отдельно, как абсолютно самостоятельные направления.

Формирование единого «мегастиля» произошло под воздействием синкретических сектантских идей. В ряде районов, например, в уездах Яньшань и Цайсянь провинции Хэбэй, разные стили изучались в одних и тех же школах. В 20-40-е годы XVIII в. там стал широко известен мастер Бо Вэньсюэ. Он был хорошо знаком со стилями пигуацюань и бацзицюань. Человек весьма образованный (не случайно его имя означало «Постигающий письмена»), он служил в книгохранилище уезда Яньшань, которое в то время выполняло и функции учебного центра. Следуя древним традициям, Бо Вэньсюэ разделил своих учеников на две группы: «боевую» и «гражданскую». Примечательно, что на первых порах его последователи обучались не столько боевым искусствам, сколько определенным нормам «здоровой жизни», характерным для ряда сектантских объединений: например, они не ели мясной пищи, придерживались разумного аскетизма. Через несколько лет Бо сумел воспитать целую плеяду «боевых талантов», как их называли современники. Среди них – знаменитые впоследствии Ли Юньбяо и Сяо Хэчэн, у которых учились в свою очередь Хуан Линьбяо и Юй Баолу. «Ученики и ученики учеников», в какие бы уголки Китая не заносила их судьба, продолжали поддерживать тесные контакты, обменивались письмами, по возможности старались чаще встречаться и тренироваться вместе.

Бо Вэньсюэ слыл большим знатоком неоконфуцианской философии, на основе которой он и сформулировал основной принцип преподаваемой им системы: «Когда всепронизывающий дух достигает изменений, то тысячи методов подготовки сходятся к единому». Благодаря этому принципу единства стиль стал называться «Кулак комплексной подготовки», или «Кулак сквозной подготовки».

Эту же идею универсальности подтвердил и другой лозунг стиля, проповедь которого традиция также относит к Бо Вэньсюэ: «взаимопроникновение принципа (внутренних принципов кулачного искусства. – *А. М.*) и образов (конкретных форм и приемов. – *А. М.*); при этом основа (укрепление тела. – *А. М.*) и ее функция (боевое применение. – *А. М.*) пестуются в неразделимой целостности».

Бо Вэньсюэ был непосредственно связан с культурой закрытых религиозных сект. Поэтому широкой проповеди своих идей он не вел, а общался лишь с ближайшими учениками, в частности с Ли Юньбяо, ставшим вскоре патриархом стиля, а точнее – религиозной секты, основой которой был тунбэйцюань. Полное написание названия стиля запрещалось показывать кому-либо, кроме мастеров высшего посвящения. Большинству членов секты стиль был известен под названиями, которые ввел хитроумный Ли Юньбяо: «Кулак проникающих рук» (*тунбицюань*) или омофон исконного наименования «Кулак ударов через спину» (*тунбэйцюань*). Тонкость заключалась в том, что стиль тунбицюань действительно преподавался в тех же районах вполне открыто и был весьма популярен. Хотя стили сильно различались, их базовая подготовка содержала много общего. Поэтому большинство профанов «подмены» не замечали, а государственные чиновники, следившие за тайными сектами, как правило, не подозревали, что кроется за общеизвестным и «безобидным» стилем тунбицюань.

Кланы мастеров

Из-за того, что в основном стиль преподавался в ряде мелких сект, он быстро распался на несколько направлений. Одно из них, утвердившееся в Хэбэе (в районе г. Цаньчжоу), восходило к стилю чоцзяо и ряду местных стилей, другое же возглавили знаменитые мастера, братья-мусульмане Ма Иньту и Ма Фэнтю. Вскоре тунбэйцюань фактически превратился в их семейную школу, поэтому его сегодня именуют «Боевое искусство клана Ма» (*маши уи*), или «Кулак семьи Ма» (*мацзяцюань*).

Посмотрим, откуда же вышли составляющие одного из самых крупных «мегастилей» традиционного Китая.

Не будет большим преувеличением сказать, что именно «32 формы кулачного искусства» генерала Ци Цигуана положены в основу доброй половины северных стилей боевых искусств Китая. Одним из таких стилей, вышедших из недр армейского ушу и включенных в направление тунбэйцюань, стал «Стиль восьми пределов» (*бацзицюань*).

При анализе «Трактата о кулачном искусстве» Ци Цигуана можно обнаружить, что знаменитый воин уже употреблял название *бацзицюань*, правда, использовал для его написания другие иероглифы – омофоны [206]. Само же название стиля связано с древнейшими представлениями китайцев о мироздании. В соответствии с ними мир делился на девять областей, расположенных в виде квадрата, при этом «восемь пределов» концентрировались вокруг центральной области, которая символизировала место пребывания правителя-мудреца.

Стиль иногда именовали также каймэнь «Кулак восьми пределов раскрытых врат» (*бацзицюань*). «Раскрыванием врат» в *бацзицюань* считают шесть базовых блоков, позволяющих сразу же перейти к контратаке.

Сегодня *бацзицюань* – один из немногих стилей реального боя, дошедших почти в неизменном виде до наших дней: короткие резкие передвижения, такой же короткий, но очень мощный «выброс силы», обычно сопровождаемый небольшим подскоком с притопыванием. Это же короткое передвижение используется для удара в голень или стопу. В древности *бацзи* позволял вести поединок даже в тяжелых одеждах и в монашеском облачении, так как не требовал высоких ударов ногами и не имел сложных показных элементов. Используются в основном удары кулаками и ладонями, быстрые изменения уровня атаки, например, удары в пах из положения полуприседа и рубящие удары ребром ладони в шею. Особенно широко в атаке применяются «колющие» удары локтем с одновременным блоком, наносимые с подскоком в шею или переносицу.

Стержень стиля – шесть базовых блоков («раскрывание врат» – каймэнь) и шесть «больших приемов» (*дачжао*). Всего же используется 48 типов блоков и 64 классических удара руками – весьма впечатляющий арсенал для традиционного стиля ушу. Основное требование стиля – «медленно ставь блок, быстро наноси удар, стремительно выполняя прием» – придает характерный рисунок комплексам *бацзицюань*: своеобразное медленное начало в виде блока и очень быстрый, мощный, короткий удар с подскоком. При этом издаются крики «тин!» и «хэ!». Удары исходят из поясницы или, как говорят сами носители *бацзицюань*, «от позвоночника», который служит осью вращения всего корпуса. Поэтому самым сложным компонентом техники считается работа корпусом – резкие наклоны, свободные вращения, уклоны назад, рывки вперед.

Работа с оружием в этом стиле основана на тех же принципах. Например, «Копье шести соответствий», «Связки прямым мечом-цзянь», «Меч восьми пределов» и другие комплексы в большинстве базируются на коротких «прицельных уколах» в горло, пах и сердце противника.

По легендам, бацзицюань был создан то ли неким даосом по фамилии Лай из провинции Хэбэй, то ли буддийским монахом Чжан Юэшанем из монастыря в провинции Хэнань. Вторая версия позже дала стилю его полное название «Кулак восьми пределов Юэшаня» (Юэшань бацзицюань). В любом случае, ранняя история стиля, как это принято в мифологии ушу, связывается со святыми людьми – даосами или буддистами.

Но и реальный создатель бацзицюань – мусульманин У Чжун, по рассказам, был замечательной личностью. Родился он в начале 60-х годов XVII в. в уезде Цансянь провинции Хэбэй. Затем его семья, окончательно разорившись, решила попытать счастья на новом месте и переехала в соседний уезд Цинсянь, деревню Мэнцунь. Там У Чжун и начал заниматься боевыми искусствами. Предпочитал он не кулачный бой, а упражнения с копьем – наиболее эффективное оружие того времени [209].

Ци Цигуан

Однажды У Чжун был занят тем, что терпеливо объяснял своим ученикам 108 приемов боя с копьем (по другим версиям – с мечом). В этот момент на дороге появился старик— даос. Старик долго слушал речи У Чжуна и в конце концов сказал: «Мне кажется, что всеми этими приемами боя с копьем ты пользоваться все же не умеешь. Твои речи более умелы, чем твое боевое мастерство». Естественно, что уязвленный в присутствии учеников У Чжун предложил старику померяться силами на копьях. Уже через несколько мгновений схватки У Чжун понял, что поспешил с вызовом – столь удивительным оказалось мастерство даоса. У

Чжун предложил остановить бой. Как только копья были опущены, ошеломленный У Чжун спросил: «Что это за школа владения копьем?». И услышал в ответ: «Копье Единого!». У Чжун уговорил старика поселиться у него в доме, прекратил преподавание и стал прилежным учеником, начав свой путь в боевых искусствах с чистого листа.

Но сколько ни спрашивал У Чжун, как зовут старика, тот ничего не отвечал. Загадочный старец показал У Чжуну стиль бацзицюань и «Копье шести соответствий» (от него же пошел и стиль «внутренней семьи» синьйцюань). Стоило старику начать рассказывать об ушу, и У Чжун слышал то, что ему не приходилось слышать раньше, стоило ему начать демонстрировать технику боя, и У Чжун видел то, что ему не приходилось еще видеть.

Так прошел десяток лет. Однажды даос сообщил У Чжуну: «Ты уже полностью постиг мое искусство, и я могу умереть». У Чжун, заплакав, обратился к учителю: «В течение стольких лет Вы были столь добры ко мне, а я к своему стыду даже не знаю Вашего имени!». Учитель великодушно ответил: «Для всех учеников я известен по фамилии Лай» [209,336]. В период обучения даос познакомил У Чжуна и с древними ханьскими (китайскими) обычаями, в которых тот не очень разбирался, будучи мусульманином. По одной из версий, У Чжун похоронил мастера, следуя ханьским погребальным ритуалам.

По другой легенде, У Чжун обучался у Чжан Юэшаня, настоятеля буддийского храма Юэшаньсы («Монастырь горных пиков»), что в провинции Хэнань. Настоятель чаньского монастыря отличался необузданным нравом, но при этом был блестящим знатоком боя с монашеским посохом. Как-то его обитель сгорела дотла, и он стал странствующим монахом. Однажды придя в родную деревню У Чжуна, Чжан увидел, как тот наставляет своих многочисленных учеников в бое с копьем. Не сказав ни слова, монах нанес такой могучий удар посохом У Чжуну, то тот, даже не успев поднять руки, оказался на земле. После этого У Чжун, разогнав учеников, стал последователем Чжан Юэшаня.

Итак, стиль пришел из неизвестного «далека» и тем самым обрел «истинность» в глазах последователей. У Чжун передал его своей старшей дочери У Жун. После нее стиль распался на два направления, одно из которых возглавил Ли Дачжун, а другое – Ван Сысюэ со своим учеником Чжан Кэмином. Вторая линия была ближе всего к изначальному направлению У Чжуна.

Школа Ли Дачжуна переросла в «Малое направление бацзи с гор Удан», которое возглавил Ли Шусэн – внук Ли Дачжуна. Сейчас это направление, считавшееся наиболее закрытым, почти исчезло. Зато школа Чжан Кэмина получила мощный импульс к развитию. Лучшим учеником главы школы стал его сын, Чжан Гунчэн, по прозвищу Цзинсин – Звездный Блеск, патриарх бацзи в шестом поколении. Другой ученик Чжан Кэмина, Хуан Сыхай, обучил знаменитого Ли Шувэня (1864–1934 гг.). Об этом замечательном человеке стоит рассказать особо.

Ли Шувэнь – мусульманин из провинции Хэбэй уезда Цансянь, где жил знаменитый У Чжун. Его семья была столь бедна, что нанять хорошего учителя он не мог. Однажды молодого бойца, который, стыдясь своей бедности, тренировался вдалеке от глаз любопытных, заметили мастер Хуан Сыхай и его друг Чжан Цзинсин. Оценив упорство Ли Шувэня, они взяли его в ближайшие ученики, показав полные формы бацзицюань и приемы боя с «копьем Лухэ». Позже он пошел в обучение к Хуан Линьбяо, у которого постигал стиль пигуацюань. Так в единой школе соединились бацзицюань и пигуацюань, заложив основу для «Кулака сквозной подготовки» (*тунбэйцюань*).

Даосское направление боя с мечом с гор Удан. Мастер Ю Сюаньдэ

Ли Шувэнь — невысокого роста и могучего телосложения, был блестящим бойцом. Излюбленным его оружием стало «копье Лухэ», которым он выделял поистине чудеса. Это оружие стало неразлучным спутником Ли Шувэня. Он даже совершал перед ним коленопреклонения и другие ритуалы как перед святыней, за что патриарх стиля тунбэйцюань Ма Фэнту уважительно назвал его «Священным безумцем», а современники прозвали мастера

Ли Волшебное Копье. Восхищались его мастерством и «Хроники уезда Цансянь»: «Когда мухи облепляли стену, он ударами своего копья сбивал их на землю, при этом на стене не оставалось ни царапины!» [336].

Обладая необычайным мастерством, Ли Шувэнь резко возражал против всяких показных и нереальных элементов в ушу.

Он жил по традициям и ритуалам мастеров древности, в 1911 г. создал в Тяньцзине Китайское общество бойцов (*Чжунхуа ушун хуэй*), в работе которого участвовали его ближайший ученик и будущий патриарх стиля Ма Фэнтун, мастер синьцзянь Ли Цунь, Е Юньбяо. Эта организация стала вторым во времени созданием официальным обществом ушуистов после знаменитой Ассоциации Цзиньгу, возникшей в Шанхае в 1909 г. Однако из-за недостатка средств в 1928 г. общество распалось.

История другого стиля, вошедшего в тунбэйцзяо под названием «Пронзающие ноги» (чоцзяо) в основном мифологична. Она уходит корнями в подвиги героев «Речных заводов». Считается, что возник этот стиль в XII–XIII вв. (тогда он назывался «Кулак рыцарей» (*сяцзяо*) и «Кулак ударов [руками и] ногами» (туйцзяо)). Его приверженцем якобы был знаменитый У Сун – герой «Речных заводов», боец-разбойник, прославившийся тем, что голыми руками убил тигра. В романе встречается упоминание о том, что У Сун использовал в поединках «шаг яшмового кольца» и «парный удар ногами утки-мандаринки», т. е. передвижения по дуге, позволяющие зайти за спину противника, и два последовательных удара ногами в живот и голову в прыжке. Сегодня эти приемы характерны для чоцзяо, поэтому в народе У Сун считается первопатриархом чоцзяо. Народная традиция ярко описывает, как У Сун разрабатывал свой стиль: сбивал ударом ноги летящую муху, попадал парным ударом ног в прыжке по листочкам на дереве, которые висели в пяти чи (около полутора метров) у него над головой, отрабатывая «шаг яшмового кольца», бегал по скользким камням в бурной горной речке. Как-то он, демонстрируя свое мастерство передвижений, бегал кругами по узкой площадке, и ни один из пяти стрелков, целившихся в него из лука, не сумел попасть в У Суна. До сих пор сторонники этой версии рождения стиля называют чоцзяо «Школой речных заводов». В реальности стиль чоцзяо, в его нынешнем виде, состоящий из комплексов «гражданского» и «боевого» разделов, появился в 30-е годы XIX в.

Чоцзяо – это «внешнее» название, для непосвященных. Полное же наименование стиля звучит так: «[Стиль] непрерывных и сменяющих друг друга перемещений, ударов утки-мандаринки, зацепов и подсечек, а также проникающих ударов ногами с зависанием в воздухе» (*Цзюфэнь юйбу юаньян гоугуа лянхуань сюанькун чоцзяо*). Такое длинное название объясняется тем, что в основном стиль практиковался в тайных сектах, в частности, в секте Тяньлицзяо («Учение Небесного принципа»), и знание такого витиеватого словосочетания символизировало принадлежность к высшим кругам тайного общества. Другое название стиля – *юаньян чоцзяо*. Дело в том, что один из его основных приемов именуется «удар ногой утки-мандаринки» (*юаньян цзяо*). Он представляет собой подхлестывающий удар пяткой назад, во время которого боец сильно прогибается в пояснице. После же нанесения удара нога немного поджимается, что также схоже с торчащими вверх хвостовыми перьями утки-мандаринки. А перед тем как нанести удар ладонью, боец складывает ее так, что она становится похожа на хохолок из перьев на голове мандаринки.

В качестве базовых изучаются восемь приемов – «восемь корней» (*багэнь*), по сути, принципов нанесения ударов ногами. В технике чоцзяо удары ногами занимают главенствующее положение, даже комплексы составлены таким образом, что на каждое передвижение приходится по крайней мере один удар ногой. Комплексы, так называемые танцзы, делятся на два больших раздела: «гражданский» (вэнь) и «боевой» (у), что связано с иерархией тайного общества, где когда-то практиковался этот стиль. Чоцзяо содержит девять коротких «гражданских форм» и девять «боевых форм» – всего «18 форм». Структура чоцзяо мно-

гое взяла из магии чисел, характерной для даосских сект. Так, каждый комплекс включает девять частей, а поэтому система обучения называется цзюфань – «девять вращений», или цзючжицзы – «девять ветвей». Каждая часть содержит один или несколько ударов ногами (всего 81 удар), которые сочетаются со сложными атакующими комбинациями рук. Здесь же мы встречаем и ярко выраженную символику инь-ян, вероятно, также обязанную своим происхождением сектантскому даосизму, например, с позиций их взаимоперехода объясняются движения руками и т. д.

«Боевые» комплексы соотносятся с изначальным видом чоцзяо, а «гражданские» были разработаны позже для тренировочных и общеукрепляющих целей. В «боевых» комплексах преобладает жесткая техника ударов ногами, которые наносятся с дальней и средней дистанций. В основном применяются удары в голень и подъем стопы противника, короткие «тычковые» удары в пах и в живот, «подцепляющие» удары по дуге пяткой в затылок противника, «подхлестывающие» удары назад в пах.

В «гражданском» направлении преобладают мягкие движения, несколько напоминающие тайцзицюань, даже принцип тот же – «в мягкой вате таится острое иглы». Бой ведется на средней и ближней дистанции, иногда противники сходятся даже вплотную. Из-за этого удары ногами в большинстве своем наносятся невысоко, применяется немало атак голенью и коленом, подцепов, подножек, обвивов ногой ноги соперника.

Девять «боевых связей» (*у танцзы*) вышли из базовой техники стиля «Алмазный удар» (цзиньганчуй), который, в частности, изучали последователи секты Тяньлицзяо. Часть техники пришла из таких же «сектантских» стилей: («Удар, пробивающий панцирь» (цзяцзычуй), саньланьшоу («Три преграждающих движения рукой»), сяоли шицюань («Кулак младшего телохранителя»), яньцзыцюань («Кулак ласточки»). Постепенно формировалась характерная техника «подхлестывающих» ударов ногами, а также принцип «три флага» – удар двумя кулаками, обычно по вискам противника, и одновременный удар ногой.

Приемы из синьцицюань (раздела «пяти стихий») вошли также в стиль. На основе приемов синьцицюань был создан даже специальный комплекс. Он до сих пор изучается в деревнях. Так, в варианте чоцзяо, который преподается в округе Цанчжоу (Хэбэй), мы встречаем «связки десяти животных» – дракона, тигра, обезьяны, лошади, петуха, ястреба, медведя, ласточки, барса, священной птицы-тай, орла и змеи [286].

Во время грандиозного восстания тайпинов в 50-х годах XIX в. основными стилями восставших стали именно фаньцзыцюань и чоцзяо, а после поражения разбежавшиеся повстанцы стали распространять стиль в тайных обществах провинции Хэбэй. Так соединялись стили чоцзяо и фаньцзыцюань [294].

Из тайных обществ и вышел первый «официальный» патриарх чоцзяо Дуань Сюйхэ, по прозвищу «Железный архат», живший в уезде Гаолян провинции Хэбэй. Вместе с ним обучался и его друг Ван Даньбао, получивший за свои стремительные удары прозвище Ван Железная Нога. Их учителем стал наставник Хань Лума, обучавший в том числе и тайпинов и знавший немало тайных приемов, которые он открыл только Дуань Сюэхэ. Долгое время комплексный стиль чоцзяо—фаньцзыцюань не выходил за рамки клана Дуаня, но однажды в его школу пришел Сюй Чжаосюн, который к тому времени был уже известным знатоком фаньцзыцюань. Он в течение нескольких лет работал над совмещением работы корпусом и руками из стиля фаньцзыцюань и хитроумной техникой ног из чоцзяо. Сюй передал своей комплексный стиль нескольким близким ученикам, одним из которых был Ян Ванфану, перебравшийся в крупный город Цзилинь. Ян взял в обучение лишь двух человек. Первым учеником стал житель Лояна Ху Чуньсянь, телохранитель и личный учитель виднейшего деятеля Китая того времени, командующего крупной армией на Северо-Востоке Китая Чжан Цзолиня. Вторым учеником был Ян Цзинчунь, обучивший известного бойца Чэнь Цинчуна

(Чэнь Дунгэ), его учениками в свою очередь стали Ма Фэнту и Ма Иньту. Так стиль чоцзяо пришел в мусульманский клан Ма.

Приблизительно в то же самое время в провинциях Шэньси и Ганьсу начал практиковаться другой стиль, вскоре получивший известность во всем Китае. Назывался он «Крутящийся кулак» (*фаньцзыцюань*), или «Вращения кулаком», а также «Восемь вращений» (*башаньфань*). Такое название происходило от многочисленных вращений руками, быстрой смены уровня атаки, в результате чего «удары сыпались, как мелкий дождик в осеннее ненастье». Традиция утверждала, что этот стиль восходит к самому Ци Цигуану, который в своем трактате «Новая книга о заслугах [в воинском деле]» упоминал, что «башаньфаньши эрдуань также являются лучшими из лучших стилей». Действительно, в современном стиле бацзицюань мы встретим немало приемов, которые использовались в системе Ци Цигуана – «позиция знамени и гонгов», «резкий удар в голову» и многие др.

Фаньцзыцюань в том виде, в каком он известен сегодня, вышел из школы, руководимой неким Хань Лума в провинции Хэбэй. Затем центр фаньцзыцюань переместился в школу его ученика Дунь Ши, преподававшего одновременно и другой старый стиль, чоцзяо. Этот гибрид фаньцзыцюань-чоцзяо дальше начал передавать один из самых известных мастеров нового времени, Сюй Таонэн. Неподалеку от Лояна он открыл крупную школу, которая соперничала славой даже со знаменитым Шаолиньским монастырем.

Стиль отличали резкие короткие атаки, низкие стойки, постоянная работа корпусом, удары по болевым точкам. Вскоре фаньцзыцюань стал одним из самых популярных стилей в Хэбэе и Хэнани. Немало мастеров использовали фаньцзыцюань в качестве составной части своей школы, сочетая его с другими стилями. Так начали совместно преподаваться фаньцзыцюань и одно из направлений стиля богомола – «Девять приемов богомола» (*танлан цзюшоу*). После Синьхайской революции 1911 г. фаньцзыцюань слился со стилями чоцзяо и пигуацюань, а благодаря известному мастеру-мусульманину Ма Фэнту распространился по всему Северо-Западу Китая. Одновременно на основе слияния «Кулака Янь Цина» (позже перешедшего в «Кулак потерянного следа» (*мицзунцюань*)) и фаньцзыцюань сформировался и необычный стиль *яньцин фаньцзы*. В район Тяньцзиня распространился «Крутящийся кулак когтей орла» (*иньчжао фаньцзы*).

Ма Фэнту

С ростом школ фаньцзыцюань наметились и основные различия между направлениями этого стиля в разных провинциях. Например, на северо-западе под воздействием целого комплекса стилей, объединенных общим названием тунбэйцюань, в фаньцзыцюань стали активно использовать мягкие покачивающиеся движения поясницей при выбросе силы. Северо-восточное направление делало больший упор на жесткую, упругую силу.

В начале нашего века важнейшей составной частью тунбэйцюань стал «Кулак рубящих ударов» (*пигуацюань*). Пигуацюань настолько тесно интегрировался в тунбэйцюань, что его даже называли тунбэй пигуацюань. Пигуа считается очень древним стилем, долгое время преподававшимся исключительно среди армейской элиты. Но в конце XIX в. он переместился в народные школы боевых искусств. Там пигуацюань обрел все черты закрытой народной школы и даже приобрел название, характерное для закрытой школы—секты, «Врата рубящих ударов» (*пигуамэнь*), хотя был уже к тому времени общедоступен.

Знатоки утверждали, что в древности стиль представлял собой воинский ритуал для высших чинов армии. В эпоху Мин (1368–1643 гг.) комплексы стиля (фактически культовые танцы) разыгрывались в ритуальных одеждах древних воинов, которые так и звались – пигуа. Отсюда, возможно, и пошло ранее название стиля, а затем оно было заменено на омофон, означающий «наносить рубящие и навесные удары».

Родился стиль все в той же провинции Хэбэй, где возникли все стили комплекса тунбэйцюань – бацзицюань, чоцзяо, фаньцзыцюань. Сначала пигуа практиковался в уездах Яньшань, Цайсянь и Наньпи (кстати, именно здесь в ту эпоху жили известнейшие мастера по тайцзицюань), а затем в 60-70-е годы XIX в. пришел в Пекин и Тяньцзинь. В 1911 г. после образования в Тяньцзине Китайского общества бойцов, пигуацюань стал основным предметом преподавания, а в созданной в 1928 г. Академии национального искусства в Нанкине этот стиль считался едва ли не самым престижным и даже элитарным.

Первым учителем пигуацюань считается Бо Вэньсюэ (XVIII в.). Через несколько поколений пигуацюань пришел в школы уже известных нам Ма Фэнту и Ма Иньту, а также мастера Хуан Сэнтиня. Там был постулирован главный принцип стиля – единство достижения здоровья и боевых навыков, что позволило ему влиться в большой комплекс тунбэйцюань, базировавшийся на той же основе.

С приходом в тунбэйцюань формы пигуацюань несколько изменились. Движения стали более мощными и широкими, прибавились резкие выдохи в момент удара, появилось немало вращений руками и передергиваний корпусом (они пришли из фаньцзыцюань).

Несмотря на то, что все названные выше стили формировались и комбинировались в течение почти двух веков, несомненная заслуга в создании единого стиля принадлежит мусульманскому клану Ма. Ма Фэнту (1888–1973 гг.), выходец из провинции Хэбэй уезда Цайсянь начал обучаться пигуацюань и традиционной борьбе шуайцзяо еще у своего отца. Когда крепкому пареньку исполнилось 11 лет, он попал в обучение к мастеру Хуан Линьбяо, от которого узнал о тайном стиле тунбэйцюань. У него же Ма изучал пигуацюань, бацзицюань, люхэцян («Копье шести соответствий») и многое другое. Через некоторое время судьба свела его со знаменитыми руководителями тайных сект Ли Юньбяо, Сяо Хэчэном и другими, которые приняли его в свою среду.

Ма Фэнту был одним из самых образованных мастеров ушу своего времени. В 1909 г. он приехал в крупный город Тяньцзинь и поступил в Бэйяньское высшее педагогическое училище, а на следующий год присоединился к одной из местных ячеек Объединенного союза – Тунмэнхуэй, созданной революционным демократом Сунь Ятсеном. Союз был организован на манер традиционного тайного обществ. При вступлении в него бралась специальная клятва, там существовали свои тайные знаки (например, пиалу следовало особым образом захватывать большим и указательным пальцами, члены союза подворачивали немного штанину и рукав), тайнопись и многие другие атрибуты тайной организации.

В Объединенном союзе он близко сошелся с известным мастером синьцзицюань Е Юньбяо и с другими бойцами, помыслы которых были направлены на демократическое переустройство Китая. Они быстро нашли общий язык – здесь сказывалась и общность образования, и любовь к боевым искусствам. Друзья решили каким-то образом легализовать свою тайную ячейку и выбрали для этого оригинальный способ – так родилось Китайское общество бойцов (Чжунхуа ушу хуэй). Ма Фэнту занял в нем должность заместителя председателя, а также главного тренера. По времени создания Общество стало второй организацией боевых искусств в Китае после знаменитой Ассоциации Цзиньфу, возникшей в Шанхае двумя годами ранее.

В 1920 г. Ма Фэнту вместе с братом Ма Иньту в провинции Хэнань вступил в армию генерала Фэн Юйсяна, который был известным покровителем боевых искусств. Благодаря двум братьям Ма в Северо-Западной армии, которой командовал Фэн Юйсян, началось изучение семейных комплексов боя с оружием клана Ма. С тех пор Ма Фэнту всегда находился в центре социальной и политической жизни: сначала занимал ряд крупных административных должностей на Северо-Западе Китая, когда туда вступила армия Фэн Юйсяна, а в 1933–1935 гг. работал заместителем директора сразу двух учебных заведений – Академии ушу в провинции Ганьсу и Академии национального искусства провинции Цинхай. Семья Ма

остается одним из крупнейших кланов «истинного ушу» в Китае. Старший сын Ма Фэнту, Ма Сянда был вице-президентом Всекитайской федерации ушу, а в 1953 г. стал абсолютным чемпионом Китая по контактным поединкам и бою с оружием. Его младший брат Ма Минда, блестящий интеллектуал, профессор истории, ныне является одним из патриархов тунбэйцюань.

Пожалуй, Ма Фэнту явился одним из первых серьезных исследователей истории и теории ушу. В частности, Ма Фэнту пытался теоретически обосновать справедливость разделения стилей на группы «длинного кулака» и «коротких ударов» в противоположность чисто мифологическому, хотя и весьма привычному разделению на «внешние» и «внутренние» стили, на «южные» и «северные» направления. Причем такое подразделение проводилось не просто на основе эмпирических наблюдений, но на базе изучения характера «выброса усилия». Так родилась теория тунбэйцзин («сквозного усилия», «усилия комплексной подготовки») – особого типа приложения силы и использования ци, который характерен для ряда стилей, например, пигуацюань, бацзицюань, фаньцзыцюань, чоцзяо. Именно они и вошли в комплекс тунбэйцюань.

Примечательно, что Ма Фэнту сумел теоретически определить то, что многие мастера чувствовали до этого чисто интуитивно. Стало ясно, что стили могут объединяться не на основе их внешней схожести или места происхождения, но на базе типологии использования «внутреннего усилия» цзин. Например, такие столь непохожие стили, как тайцзицюань, багуачжан и синьйицюань, правомерно отнести к одной группе – в них применяются одинаковые типы «усилия», например, «ввинчивающееся», «оборачивающее», «усилие слышания», «усилие понимания» и т. д. А вот шаолиньцюань, хотя во многих технических аспектах и похож на резкий и стремительный синьйицюань, использует совсем иной тип «выброса силы», следовательно, относится к другой группе. Справедливости ради отметим, что до сих пор вопрос о типологизации «усилий»-цзинь довольно запутан, и сегодня не существует какой-то общепризнанной четкой схемы. И все же идея Ма Фэнту дала свои плоды – он был способен теперь точно определить, какой стиль можно включать в систему тунбэйцюань, а какой, несмотря на всю видимую родственность, не подойдет. Поэтому под одним названием безболезненно и гармонично соединились стиль длинных ударов пигуацюань и школа коротких атак бацзицюань, стиль работы ногами чоцзяо и построенный исключительно на действиях руками фаньцзыцюань.

Местные школы ушу

В эпоху Цин пробуждались те школы, которые долгое время находились где-то в «глубинке» и о которых практически никто, кроме местных жителей, не знал. Многие школы боевых искусств – по сути, религиозные секты – превратились в широкие организации, объединяющие последователей в нескольких уездах.

Заново писалась и история ушу. Старые закрытые школы не слишком волновал вопрос о точном времени их возникновения и имени первопатриарха. А вот для широкой проповеди такие темы стали весьма актуальными. Последователей интересовало: насколько глубоко уходит в историю та традиция, к которой они приобщаются благодаря занятиям боевыми искусствами? К тому же не следует забывать, что это были не столько школы ушу, сколько тайные религиозные секты, и основной формой духовной практики стало ушу. Для них вопрос о древнем происхождении становился как нельзя более важным. В тот период рождается легенда о Бодхидхарме как об основателе шаолиньцзюань, да и всего северного ушу, о Чжан Саньфэне как о создателе тайцзицзюань. Многие школы теперь вели свою родословную вообще от начала китайской истории, объявляя своими патриархами первых легендарных правителей Китая.

Именно так, например, представлялся последователям стиль «Взрывающиеся удары трех императоров» (*саньхуан паочуй*), который обычно называли просто *паочуй*. По легенде, его духовными родителями были китайские первоимператоры Хуанди, Фуси и Шэньнун. Реальная же его история идет от некоего Сун Майлуна (1809–1893 гг.), выходца из уезда Исянь в Хэбэе. В 20-40-х годах XIX в. он начал широкое преподавание паочуй в Хэбэе и Шаньдуне. Правда, он не считал себя основателем стиля, а рассказывал, что обучался у одного из руководителей тайной религиозной секты «Белого лотоса» Цяо Хэлиня, у своего отца, а последний – у монаха Северного Шаолиньского монастыря Пучжао.

Но никаких письменных свидетельств на этот счет не сохранилось. Действительно, в Шаолиньсы жил некий монах Пучжао, преподавал там и комплекс паочуй, который до сих пор входит в базовую программу подготовки монахов. Но стиль Сун Майлуна и шаолиньский паочуй настолько отличаются друг от друга, что уже невозможно сказать, действительно ли один вышел из другого, или они просто являются «однофамильцами».

В основе стиля лежат «12 взрывных приемов» – резких ударов, большинство которых выполняются из позиции «наездника» (*мабу*): «крестообразный» удар, удар в сердце кулаком в прыжке, удар в пах, «удар в небо» (вверх) и т. д. Точно таким же образом изучается и техника владения копьем, основанная на 12 способах атак.

Издrevле считалось, что техническая сторона в стиле паочуй занимает подчиненное положение, в то время как истинную основу стиля составляют «пять важнейших речений» – внутренних принципов тренировки. Во—первых, следует научиться сосредоточению внимания, концентрации ци и координации использования силы и ци. Во-вторых, следует активно использовать физическую силу, резко атаковать, а «выброс силы» должен быть подобен взрыву петарды (такой характер движений обозначается термином «геройский настрой»). В-третьих, «тигриные запястья надо распрямить», т. е. выпрямить руки в запястьях, дабы поток «внутреннего усилия» беспрепятственно доходил до кончиков пальцев и обеспечивал резкий взрывной «выброс усилия». В-четвертых, «поясница и глаза должны быть подвижными» – сила зарождается от поворота в пояснице, именно резкое и короткое «передергивание» поясницей в момент удара способствуют особому типу «выброса усилия», которое и называется «взрывным». Наконец, в-пятых, необходимо научиться «разогревать сердце и кровь особыми методами динамической медитации», что превращает стиль паочуй в прекрасную оздоровительную методику.

В середине XIX в. рост числа школ стремительно ускорился, стили появлялись десятками. В Шаньси зародился необычный стиль «Кулак легкости» (*цинцюань*), в котором не было ни одного комплекса, а все 88 приемов, составляющих костяк стиля, отрабатывались только с партнером.

В 1890 г. в Шаньси распространилась школа «Пронизывающий кулак» (*чуйцюань*), созданная Ши Юйином, выходцем из уезда Шэсянь провинции Хэбэй. Ее характерной особенностью было большое количество подсечек и зацепов за ноги противника, быстрые «колющие» удары руками с резким приближением к противнику, неожиданные толчки плечом и спиной.

В Сычуани в годы правления Тунчжи (1862–1875) появился местный стиль «Кулак Пресветлого Моря» (*минхайцюань*). Именно в те годы шаолиньский монах Минхай (отсюда и название стиля), внезапно покинул родную обитель и отправился в странствия по Китаю. Кто говорил, что он стал разбойником, кто считал, что он создал тайную религиозную секту. Так или иначе, Минхай объявился в провинции Сычуань, где начал изучать местные боевые искусства, а затем создал новый стиль на стыке шаолиньцюань и сычуаньских школ ушу. Стиль отличали мощные движения, внезапные взрывные прыжки. Основные атаки наносились короткими связками в три удара кулаком с ближней дистанции, широко использовались болевые захваты, заломы, удары локтями. Минхай учил выжидать, пока противник сам сделает первое движение: «Ты не подойдешь – я не дернусь».

В начале XX в. в уезде Хуансянь провинции Шаньдун родился «Кулак трех, проходящих насквозь» (*саньтунцюань*). По преданию, стиль создали три великих мастера, которые могли проходить даже сквозь скалы и стены: Дин Цзитун, Сун Юнтун и Бо Эртун. В одной из хэбэйских сект появился «Кулак тайной мысли» (*мисыцюань*), скомбинированный неким Ми Сыяном на основе багуачжан и шаолиньцюань. В провинции Аньхой зародился стиль «Ладонь инь ян» (*иньянчжан*), который еще назывался «16 приемов инь и ян» (*иньян шилю чжао*).

Простые крестьяне в одной из деревень центрального Китая до сих пор в своих тренировках ушу используют традиционную форму алебарды (дадао) с наконечником из камня

Из Шаолиньской системы вышел стиль «Кулак вознесения на облаках». (*тэнъюньцюань*). Зародился он в районе Пекина, а затем его патриарх Ли Чуньлай принес этот стиль в Шанхай. На большом количестве падений, перекатов и прыжков базировалась школа «Споткнуться и упасть» (*цзоцзяомэнь*), практиковавшаяся недалеко от Чжэнчжоу – столицы

Хэнани. Создал ее некий Чжан Цзюмэй – Чжан Пьяный Красавец, который был полулегендарной личностью, а официальным патриархом школы история считает Хэ Юйшаня.

Приблизительно в одно и то же время в Хэбэе и в Хэнани появились, а точнее, проявились десятки стилей, которые раньше практически не были известны. Так, стал популярен стиль «Хлопковая ладонь» (*мяньчжан*), где основные удары наносились ладонью. В 50–60 годы XIX в. в Хубэе стал известен стиль «Кулак школы тайного бессмертного» (*иньсянь мэньцюань*), который преподавал Ху Фэнтин, блестяще образованный человек. Рассказывают, что как-то в поисках учителя Ху Фэнтин забрел в провинцию Хэнань и остановился на ночь в небольшом горном монастыре Сингосы – «Радости государства». Утром он заметил, как старик-монах выполняет какие-то боевые упражнения и был настолько поражен их мощностью, что умолил взять его в ученики. Монах поведал ему тайное учение о сбережении в теле «трех внутренних драгоценностей» – «семени», ци и «духа», об их сочетании с «тремя внешними драгоценностями» – луной, солнцем и светом звезд. Показал он ему и четыре способа закалки тела (тигра, дракона, петуха и обезьяны), а также методику «наполнения внутренним усилием пяти верхушек» – обеих кистей, стоп и головы, в результате чего боец оказывался как бы «наэлектризован» силой. Монах говорил, что посвятил его во все эти секреты загадочный «бессмертный», имени которого он так никогда и не узнал. «Кулак школы тайного бессмертного» до сих пор можно встретить в некоторых деревушках в Хэбэе, правда, ее учение в полном виде никому из пришлых не рассказывается.

В Хунани в то же время появился целый ряд школ, в том числе стиль «Восемь кулаков» (*бацюань*). Его создал выходец из г. Чанша (столицы провинции) некий господин Синь. История не сохранила для нас его полного имени, но оставила рассказы о том, как он создал свой стиль, долгое время наблюдая за повадками змеи и журавля.

Тогда же в провинции Аньхой возник стиль «Кулак девяти цветущих гор» (*цзюхуашаньцюань*). Разработан он был Хэ Цзютянем (Хэ Девять Небес). Для изучения ушу он избрал довольно оригинальный способ: путешествовал, куда глаза глядят, с мечом за спиной и вызывал всех на поединки. Правда, большинству соперников Хэ проигрывал – и тут же просился к ним в ученики. После десяти лет странствий Хэ поселился отшельником в одном из самых живописных уголков Китая, горах Цзюхуашань. Лишь изредка он выходил из своего скита и направлялся в жилища даосов, которые находились в тех же горах. От них он получал наставления в искусстве следования Дао, здесь же изучил и способы управления ци, и эзотерические методики «трансформации духа» [336].

Мы не ставили своей задачей перечислить даже малую часть тех стилей, которые появились в Китае в те годы. Еще раз повторим – их насчитывались сотни. Для нас важно другое – чтобы читатель понял, в какое колоссальное культурное явление превращается ушу к XVIII–XIX вв., насколько тесно оно связано с народной культурой и какое потрясающее, невиданное более ни в одной стране мира многообразие мы подразумеваем под понятием «китайские боевые искусства».

Ушу у народов Китая

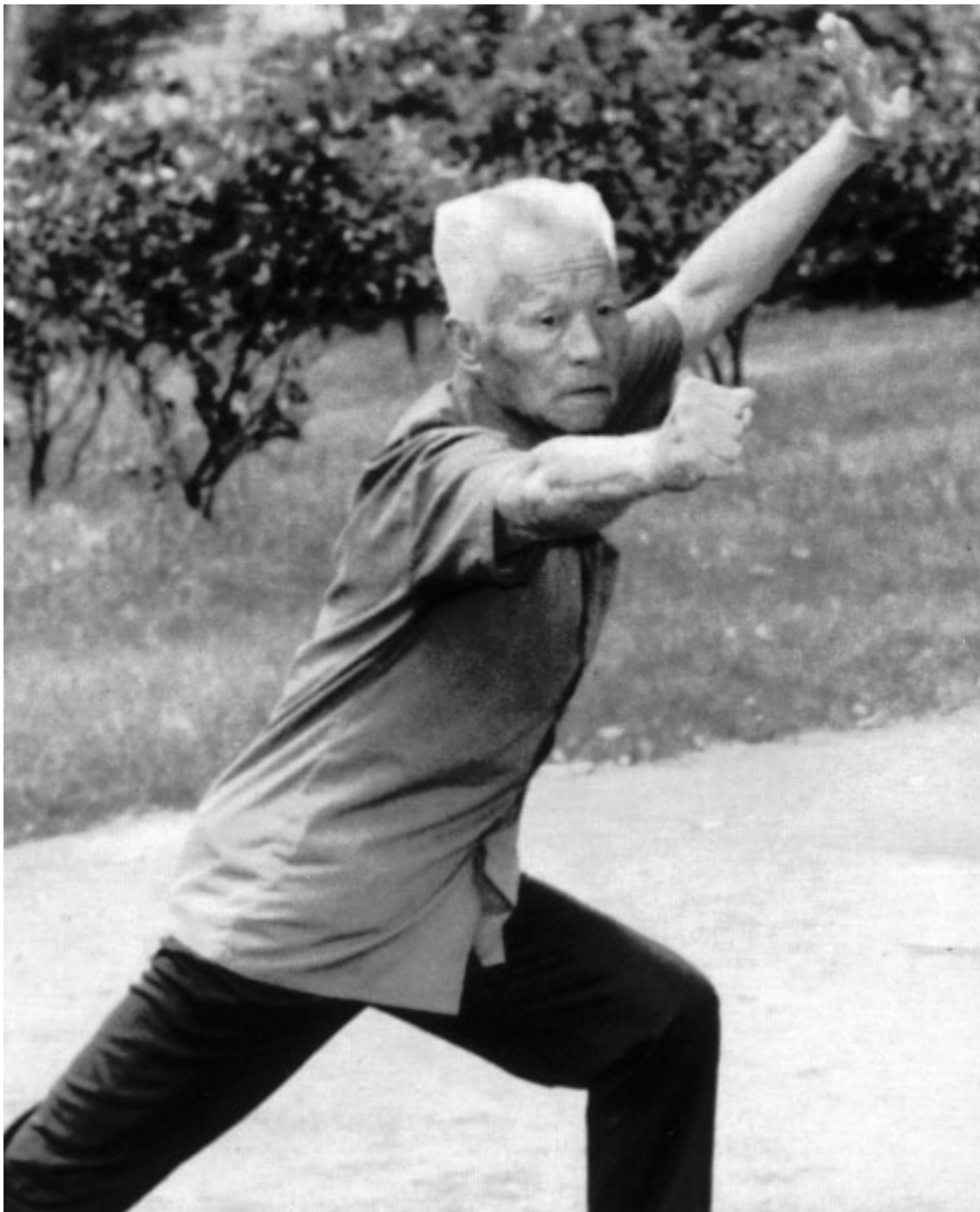
Обладание секретами ушу считалось отличием китайцев не только от «варваров», но и внутри страны нередко подчеркивало национальную специфику тех или иных народов. Собственные направления ушу сложились у народностей хуэй, мяо, ачан, тай, цзинпо, туцзя, ицзу, уйгуров. Естественно, что в такие школы ушу принимали лишь тех, кто принадлежал данной национальности. Попасть «чужаку», скажем, китайцу, в уйгурскую школу ушу было практически невозможно. Таким образом, боевые искусства на территории Китая становились этноспецифическим фактором.

Можно выделить два типа национальных стилей ушу. Первый – это стили, строго закрытые не только для чужаков, но даже для некоторых членов своей этнической общности. Второй тип – это стили, доступные для большинства «своих», причем они могли использоваться и для установления контактов с «чужими». Например, у китайских мусульман (хуэйцев) можно встретить оба типа таких стилей. К первому типу относится танпинцюань, ко второму – чжацюань (в другом чтении – чацюань), который стал одним из самых популярных стилей в Китае.

Китайские мусульмане (в конце XX в. их насчитывалось около 5 млн.), оказали весьма впечатляющее влияние на развитие ушу. Сохранились статуэтки VIII в., изображающие, как полагают историки, хуэйцев, ведущих поединки. Сотни хуэйцев-ушуистов стали героями крупнейших событий китайской истории. В ближайшем окружении первого императора династии Мин (1368–1644 гг.) Чжу Юаньчжана было немало генералов-мусульман, блестящих знатоков воинского искусства – Чан Юйчун, Ху Дахай, Му Ин, Лань Юй, Фэн Шэн, Дин Дэсин. Считается, что популярный стиль «Ритуальное омовение» (копья кайпин) был создан именно мусульманином Чан Юйчунем.

В XVII в. мастера ушу из числа хуэйцев участвовали в борьбе против маньчжуров. На стороне вождя крестьянской армии Ли Цзычэна, которому удалось в 1644 г. захватить Пекин, воевал известный мусульманский полководец Ма Шоуин. Под его началом находилось формирование из отборных воинов-мусульман – «отряд старины-хуэйца» [472].

Первые мусульмане появились в Китае в VIII в. и в эпоху Цин представляли собой обширные замкнутые общности, отличавшиеся от китайцев обычаями, покроем одежды, использованием при общении арабских слов. Возникли у них и свои характерные стили ушу, например, уже упоминавшийся нами чацюань.

Знаменитый мусульманский мастер Ван Шаочжоу (1891–1983) из Хунани распространил стиль чацюань в провинции Гуанси и на юге Китая

Стиль имел свои легенды. Многие из них сходятся на том, что его создал некий мусульманин по имени Чжамир, а от первого иероглифа его имени «чжа» и пошло название стиля. Другая рассказывает следующее. Во время мятежа, поднятого в 755 г. могущественным губернатором северо-восточной окраины Китая Ань Лушанем, император Су-цзун послал армию для подавления беспорядков. В ее составе был отряд уйгуров из западных районов, в котором находился молодой воин по имени Хуа Цзун. Когда отряд двигался через уезд Гуансянь провинции Шаньдун, Хуа Цзун внезапно заболел и его пришлось оставить в одной из деревень на излечение. Поправившись, Хуа начал зарабатывать на хлеб преподаванием некоей системы самозащиты «Блоки и удары» (*цзяцзыцюань*). Хуа Цзун решил основать

здесь школу ушу и вызвал в деревню своего учителя Чжа Юаньши. Вместе они создали новый стиль, который местные жители и называли чацюань. В память о Хуа Цзуне в арсенал стиля вошли несколько комплексов, которые сегодня называются хуацюань.

В VIII в. предки хуэйцев (хуэйхэ) действительно жили на территории современной МНР и Внутренней Монголии. Однако, как свидетельствуют уездные хроники, в те времена в Гуаньсяне хуэйцев еще не было.

Другая версия, на первый взгляд, кажется более правдоподобной. Основатель стиля Чжа Шаньши, первое мусульманское имя которого было Чжамир, происходил из Синьцзяна и жил в конце эпохи Мин. Он вступил в один из отрядов генерала Ци Цигуан. Во время похода против японских пиратов Чжамир заболел и задержался в уезде Гуаньсянь, где и начал преподавать ушу. Его ученики назвали новую школу «Кулак Чжа» (*чжацюань*) [304]. Правда, китайцы стали более широко использовать другое чтение первого иероглифа в названии стиля – «ча», и поэтому прижилось название *чацюань*.

Последняя версия стала канонической для последователей чацюань. Однако в глаза бросается, с одной стороны, ее поразительное сходство с первой легендой, а с другой – ряд несовпадений в датах с реальными историческими событиями. Например, борьба с японцами, возглавляемая Ци Цигуаном, была завершена к 1564 г., а не к концу династии Мин (1644 г.). Нынешний патриарх стиля чацюань, бывший одно время заместителем председателя Всекитайской Ассоциации ушу, Чжан Вэньгуан даже высказал предположение, что создание стиля не имеет ни малейшего отношения ни к личности таинственного Чжамира, ни к посещениям мусульманами уезда Гуаньсянь [304]. Сформировавшись в западной части Шаньдуна и в восточной части Хэнани под воздействием шаолиньских школ ушу, чацюань стал практиковаться среди тайных обществ мусульман в Шаньдуне, Хэнани, Хэбэе. Идеология основного мусульманского стиля была тесно связана с исламом. Тренировки по чацюань проходили обычно во внутренних дворах мечетей. Перед занятиями совершалось традиционное мусульманское омовение, как и перед намазом. Несмотря на ритуализованность, чацюань стал одним из самых эффективных боевых стилей ушу. Его отличают сложная траектория передвижений, изобилие прыжков и стремительных разворотов. Наносились удары ребром ладони, колющие удары пальцами в уязвимые места.

Многие мусульмане, практиковавшие чацюань, владели искусством «железной рубашки», не чураясь демонстрировать свое умение перед публикой. В рассказе знаменитого китайского новеллиста Пу Сунлина (1640–1715 гг.) описываются подвиги некоего мусульманина Ша. Он безболезненно принимал в грудь удары тяжелым бревном, пальцами отрубал голову быку, пропарывал ему брюхо. «А то еще, бывало, вытащит свою, так сказать, силу и положит ее на камень. Затем возьмет деревянный пест и изо всех сил колотит. Ни малейшего вреда!» [75].

Другой мусульманский стиль, *танпинцюань* оказался не столь известен. Название стиля связано с важнейшим культовым предметом мусульманского обихода – тазиком для омовений (танпин). Стиль передавался исключительно по мужской линии, женщины к тренировкам и даже наблюдению за ними не допускались.

Предание рассказывает, что в одной из деревушек Хэнани жил юноша Юань Фэнши. Он нередко становился предметом насмешек у односельчан. А поводом для была его фамилия. Добавив к его фамильному иероглифу лишь две черты и прочтя его тем же чтением «юань», можно было получить слово «обезьяна». Обида юноши была столь сильна, что он, уединившись, посвятил все свое время занятиям ушу. Как-то встретив бродячего шаолиньского монаха, Юань Фэнши, стал самым преданным его учеником. На основе его школы Юань Фэнши в конечном счете создал новый стиль – танпинцюань. Стиль включал в себя семь больших связок – «семь форм», каждая из которых делилась еще на семь. Заключительную

«большую форму» знали лишь руководители школы и тайно передавали ее лучшим ученикам [209].

Мусульмане путешествовали по всей стране в качестве торговцев и охранников караванов с товарами, селились в разных местах. Поэтому мусульманские стили ушу можно встретить во многих районах страны. Ци Цигуан в одном из своих трактатов говорил о трех самых эффективных школах боя с копьем, преподававшиеся в кланах Ян, Ма, и Ша. Две последние были созданы хуэйцами и завоевали широкую популярность в народе. Стиль «18 приемов мусульман» (*хуэй шибацжюу*) называли «квинтэссенцией боевых искусств». К началу XX в. в Китае насчитывались сотни школ мусульманского ушу, а хуэйцы широко практиковали багуачжан и синъицюань.

В 1862 г. крупное восстание хуэйцев под предводительством мастера ушу Ду Вэньсю вспыхнуло в провинции Юньнань, перекинувшись оттуда в юго-западные и северо-западные районы Китая. Накануне Синьхайской революции 1911 г. мусульмане начали преподавание ушу практически во всех крупных городах. В Кайфэне открыл свою школу боец-мусульманин Хуан Бинсин, ученик знаменитого мастера Ли Лаоцуня из уезда Гуаньсянь. Школы как грибы росли в Шанхае, Нанкине, Сучжоу. Несмотря на то, что чацюань продолжал считаться символом мусульман, в эти школа начали брать и «пришлых». Когда в 1928 г. в г. Нанкине была основана Центральная академия национального искусства, чацюань был введен в программу ее обучения.

Ван Цзытин

Ряд бойцов-мусульман прославились на весь Китай. Например, Ма Юнчжэнь, мастер по стилям «Хлещущие ноги» (*чацюань* и *таньтуй*) из Шанхая, отличался такой физической силой, что во время отработки ударов ногами взваливал себе на плечи быка. Ван Чжэньи за свое блестящее мастерство во владении алебардой был прозван Ван Пятый – Алебарда (Дадао Ван V). Он входит в четверку «великих мастеров» начала XX в. вместе с Хо Юаньцзя, Сунь Лутаном и Ма Фэнъи, тоже мусульманином. В 90-х годах прошлого столетия Ван Чжэньи работал в конторе, предоставляющей телохранителей и охрану для перевозки товаров. Ван на лету отражал стрелы мечом, мог срезать косу с головы человека, не задев его самого. Он погиб в 1901 г., участвуя в восстании ихэтуаней.

Имя другого ушуиста-мусульманина Ван Цыпина (1881–1973 гг.) еще при жизни стало легендарным. Он родился в небогатой крестьянской семье в уезде Цансянь провинции Хэбэй. Первыми учителями Вана стали его отец и дед знаменитые на всю округу силачи и борцы. Как ни странно, родные не хотели, чтобы юноша следовал по их стопам, считая, что этим он никогда не сможет заработать себе на жизнь. Однако такое отношение не смутило Вана. С семи лет он начинает заниматься ушу, борьбой шуайцзяо, поднятием тяжестей, подтягиванием на перекладине, плаванием, стрельбой с коня. Для приобретения сильного толчка перед прыжком, он выкопал у себя во дворе ямки различной глубины, откуда необходимо было выпрыгивать, нанося одновременно удары ногами. Ван долгими часами отрабатывал переходы на высоких столбах, поднимал тяжелые камни, бегал кроссы с утяжелителями на ногах и занимался столь самозабвенно, что порой забывал о еде.

В 1901 г. Вана выгнали из родного уезда, считая его «бандитом», и он направился в Цзинань, главный город провинции Шаньдун. Однажды в базарный день Ван перед изумленной публикой сумел остановить руками вращающийся жернов. За этой сценой наблюдал учитель чацюань Ян Хунсю, который, оценив силу юноши, взял его в ученики. Вскоре Ван стал лучшим последователем школы, отличительной чертой которой было особое внимание к сложным разделам нэйгун. Позже Ван Цыпин переработал эти упражнения и объединил их в комплекс, описав его в одном из первых пособий по цигун, вышедших в Китае: «Способы лечения посредством упражнений» («Ляньгун ляофа»). В комплекс вошли 20 упражнений для укрепления здоровья и достижения долголетия, которые выполнялись как в состоянии покоя, так и в движении. Каждое из упражнений было направлено на регуляцию одного из энергетических меридианов.

По преданиям, Ван Цыпин неоднократно вступал в поединки с иностранцами. Народная молва рассказывает об одном из таких боев. Как-то он получил вызов от немецкого бойца, который прославился стремительным ударом фантастической силы. Ван Цыпин применил интересную тактику. Он ждал пока немец нанесет удар, затем резко отходил в сторону, резко дергал немца за руку и валил его. В конце концов, немец, отчаявшись, сдался, и более того – попросился к Вану в ученики, обещав платить 300 долларов в месяц (по тем временам настоящее богатство). Но Ван Цыпин заявил: «Я не желаю твоих денег и не беру в ученики таких, как ты!» [472].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.